

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДА

А. С. Балашов

Балашов Артем Сергеевич, студент бакалавриата, кафедра истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет. Научный руководитель — кандидат исторических наук, старший преподаватель Т. М. Демичева.

E-mail: st102754@student.spbu.ru

ГЕРМАНСКИЕ ЗВЕРСТВА: ПРОБЛЕМА ДИСКУССИЙ ФРАНЦУЗСКИХ И (ПРО)ГЕРМАНСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрена проблема германских зверств, происходивших в годы Великой войны, в интеллектуальных кругах Европы. Основными источниками послужат брошюры французского профессора Коллеж де Франс Жозефа Бедье, которые являются объектом обвинения, а с другой стороны – работы немецкого профессора Макса Куттнера, датского и нидерландского интеллектуалов Карла Ларсена и Питера Моленбрука соответственно. В статье представлены роль и место брошюр, которые являлись как моментом для дискуссии между интеллектуалами о вопросе происхождения преступлений Германской армии, но так и элементом пропаганды, ориентированной на внутреннего читателя. Задачи исследования состоят в последовательном изучении брошюр Ж. Бедье «Les crimes d'après des témoignages allemands», а также «Deutscher Verbrechen? Wider Joseph Bédier, Les crimes allemands d'après des témoignages allemands», «Professor Bédier und die Tagebücher deutscher Soldaten» и «Bédier – Kuttner – Larsen: de Duitsche wandaden», которые являлись ответом со стороны прогерманских интеллектуалов. Для достижения этого будет сделан контент-анализ упомянутых брошюр, выявлены проблемные аспекты для создания системы обвинений и оправданий. Нами, в свою очередь, будут изучены смысловые сюжеты, которыми апеллировали авторы. В выводе будут выдвинуты результаты, которые позволят нам оценить данную проблематику в условиях Великой войны, а также очевидного кризиса интеллектуалов воюющих сторон.

Ключевые слова: германские зверства, война духа, французские интеллектуалы, французская пропаганда.

A. S. Balashov

Balashov Artem Sergeevich, bachelor student, Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University. Academic supervisor — PhD in History, Senior Lecturer T. M. Demicheva.

E-mail: st102754@student.spbu.ru

GERMAN ATROCITIES: THE PROBLEM OF DISCUSSIONS BETWEEN FRENCH AND (PRO)GERMAN INTELLECTUALS DURING THE GREAT WAR

The article reviews with the problem of German atrocities that took place during the Great War in the intellectual circles of Europe. The main sources are the pamphlets of the French professor Joseph Bédier of the Collège de France, which are the object of the accusation, and, on the other hand, the works of the German professor Max Kuttner, the Danish and Dutch intellectuals Karl Larsen and Pieter Molenbroek, respectively. The article presents the role and place of the pamphlets, which were both a moment for discussion among intellectuals on the question of the origin of the German Army's crimes, but also an element of propaganda aimed at the domestic reader. The objectives of the study are to examine in sequence J. Bédier's pamphlets "Les crimes d'après des témoignages allemands" as well as "Deutscher Verbrechen? Wider Joseph Bédier, Les crimes allemands d'après des témoignages allemands", "Professor Bédier und die Tagebücher deutscher Soldaten" and "Bédier - Kuttner - Larsen: de Duitsche wandaden", which were responses from pro-German intellectuals. In order to achieve this, a content analysis of the mentioned pamphlets will be made, problematic aspects will be identified in order to create a system of accusations and justifications. We will, in turn, study the semantic plots that the authors appealed to. The conclusion will put forward results that will allow us to evaluate this problematic in the context of the Great War, as well as the apparent crisis of the intellectuals of the belligerents.

Key words: German atrocities, war of the spirit, French intellectuals, French propaganda.

В канун десятилетия окончания Великой войны, в 1928 году, вышла книга Артура Понсоби «Falsehood in War-Time», в которой автор поднимает

проблему феномена пропаганды во время боевых действий¹. Анализируя сюжеты психологического воздействия на граждан со стороны Антанты, автор приходит к выводу, что с большей долей вероятности сведения о германских зверствах в прессе и культуре являются ложью или преувеличением с целью демонизировать врага и внушить своему населению необходимость этой войны. Годом ранее Гарольд Лассуэлл фактически пришел к аналогичному выводу². По его мнению, авторы пропаганды не щадили на различное варьирование преступлений, поскольку на все эти действия был карт-бланш. Однако, работы Понсоби и Лассуэлла были оформлены в контексте того времени, когда постепенно из интеллектуальных кругов стран Антанты происходили если не моменты покаяния перед Германией, то точного понимания ответственности Англии, Франции и России за развязывание военного конфликта и поддержания напряженности в Европе. Возможно, одним из первых об этом заговорил Демарсиаль, который опубликовал пацифистский материал, обвиняющий все стороны в бесчеловечном поведении и нежелании договориться³. Так или иначе, но сюжеты о германских зверствах в послевоенное время стали восприниматься как недостоверные, здесь встает вопрос о необходимости изучения общественного мнения в период Великой войны на примере дискуссий интеллектуалов с французской и (про)германских сторон. В последнем случае мы имеем в виду не только подданных Вильгельма II, но и весь т.н. «Германский мир», в который входили и представители как Нидерландов, так и Скандинавии.

Значительным образом изменили представления о зверствах в западной историографии А. Крамер и Дж. Хорн, которые при активном изучении архивов Бельгии и Франции, пришли к выводу, что германские солдаты действительно совершали военные преступления, причем это были как спонтанные моменты, так и преднамеренные действия, идеологические мотивы которых уходят к Франко-прусской войне 1870–1871 гг.⁴. Последний также довольно точно проанализировал проблему мифов в пропаганде, их проникновение в культуру и общественную жизнь французов, в частности

¹*Ponsoby A. Falsehood in War-Time. London. 1929. 195 p.*

²*Lasswell H. Propaganda Technique in the World War. Mansfield Centre. 2013. 244 p.*

³*Démartial G. La guerre de 1914. Comment on mobilisa les consciences. – Paris : Éditions des Cahiers internationaux, 1922.*

⁴*Horne J., Kramer A. German atrocities, 1914: a history of denial. Yale University Press. 2002. 624 p.*

сюжеты отрубленных рук детей, совершенные якобы германскими солдатами в качестве напоминания⁵. Новый поворот в методологии внес М. Гурный, который по-новому взглянул на взаимоотношения интеллектуалов в период Первой мировой войны, введя термин «война духа» для характеристики происходившего конфликта между учеными⁶. Еще одним из значимых вкладов в современную историографию внесла М. Ханна, которая проанализировала работы французских ученых и писателей в дискурсе их восприятия и переосмысления германской культуры в контексте вооруженного конфликта⁷.

Участие интеллектуалов в контексте интересов воюющих государств можно назвать компромиссом⁸, причем их деятельность была или за определенное вознаграждение, либо за идейные представления. Если фактическим их дебютом на политической арене было «дело Дрейфуса», то во время Великой войны возвращение ученых, писателей, художников стала публикация манифеста «An die Kulturwelt», в котором представители германской науки обвиняли страны Антанты во лжи, отрицая виновность за войну. Подписавшие девяносто три интеллектуала уверяли, что их страна вынуждена воевать за собственное существование, а всякие обвинения в варварстве и совершении военных преступлениях, в том числе в разрушении памятников и культурных ценностей, являются клеветой⁹. Примечательно, что в этот момент националистские настроения были поддержаны оппозицией в лице ассоциации «Goethebund»¹⁰. Важно отметить и «Декларацию преподавателей университетов Германского Рейха», вышедшую следом за упомянутым выше манифестом. Здесь сохраняется нарратив о лживости обвинению в сторону Германии, авторы также

⁵*Horne J.* German «Atrocities» and Franco-German Opinion, 1914: The Evidence of German Soldiers Diaries. The Journal of Modern History. 1994. Vol. 66. No. 1. PP. 1–33.

⁶*Гурный М.* Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. Издательство Европейского университета. Санкт-Петербург, 2019. 414 с.

⁷*Hanna M.* The Mobilization of Intellect. French Scholars and Writers during the Great War. Harvard University Press, 1996. 286 p.

⁸*Prochasson C.* Los intelectuales franceses y la Gran Guerra. Las nuevas formas del compomiso. Asociación de Historia Contemporanea. 2013. No. 91. P. 33.

⁹Der Aufruf der 93, an die Kulturwelt! (4. Oktober 1914). URL: https://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/deu/817_Bernhard_vom_Brocke_156.pdf (дата обращения 25 декабря 2023)

¹⁰*Chagnon M-E.* Le manifeste des 93: la nature de la mobilisation intellectuelle allemande au déclenchement de la Grande Guerre (1914-1915). Unviersite du Quebec a Montreal, 2007. P. 87.

подчеркивают, что «прусский дух» идентичен духу других государств¹¹. Вероятно, с этого можно начинать разговоры об открытии «интеллектуального фронта» Первой мировой войны.

Во Франции, в этот момент, происходит самомобилизация интеллектуалов, магистральным вопросом которой является переосмысление войны и поиск идеи борьбы. Если в религиозных сообществах шла речь о противостоянии французских католиков и германских протестантов, то среди представителей науки и искусства дискутировали о спасении европейской цивилизации от германского варварства. Еще в августе 1914 г. Анри Бергсон говорил о недопущении человеческого регресса к дикарству. Быстрые темпы войны, взаимные жесткость и обвинения привели к тому, что интеллектуалы променяли свою независимость на дискурс. Если же возвращаться к той цепочки манифестов с германской стороны, то реакция французов была очевидной: практически сразу оборвались сохранившиеся научные связи, из Академий наук Бельгии и Франции были исключены все подписанты¹². Об их возвращении впервые заговорили только 11 октября 1918 г., когда Эмиль Пикар на лондонской конференции заявил, что для этого «необходимы покаяния и репарации»¹³. Отметим, что «культура отмены» германских профессоров происходила не только во Франции, но и нейтральных государствах таких как Португалия, Испания, США, что фиксировалось Третьей республикой для поддержания главенствования в споре. Манифест 93-х, таким образом, легитимизировал «войну духа» в таком виде, которую можно проследить до конца вооруженного конфликта. В свою очередь, здесь большую роль сыграли германские зверства, которые одна сторона отрицала, а другая – подвергала сомнению интеллектуальные способности отрицавших.

Для того, чтобы подробнее изучить этот вопрос, мы обратимся к двум брошюрам Ж. Бедье, французского писателя и исследователя средневековой литературы, -- «*Les crimes allemands d'après es témoignages*»¹⁴ и «*Comment l'Allemagne essayé de justifier ses crimes*»¹⁵, которые являются стороной обвинения. Сторону защиты представляют статьи германского профессора М. Куттнера «*Deutsche Verbrechen? Wider Joseph Bédier d'après des*

¹¹Erklärung der Hochschullehrer des Deutschen Reiches [Berlin, den 16. Oktober 1914]. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:bvb:210-16-007530116-3> (дата обращения: 20.12.2023).

¹²Hanna M. The Mobilization of Intellect. P. 82.

¹³Rasmussen A. La « science française » dans la guerre des mafistes, 1914-1918. Mots. Les langages du politique, 2004. P. 19.

¹⁴Bédier J. Les crimes d'après des témoignages allemands. Paris, 1915. 48 p.

¹⁵Bédier J. Comment l'Allemagne essaye de justifier ses crimes. Paris, 1915. 49 p.

témoignages allemands»¹⁶, датского профессора К. Ларссона «Professor Bédier und die Tagebücher Deutscher Soldaten»¹⁷ и нидерландского доктора П. Моленбрука «Bédier – Kuttner – Larsen. De duitsche Wandaden»¹⁸. На их основе мы сможем проследить основные тенденции, как взаимодействия интеллектуалов противоборствующих сторон, так и общие методы обвинения и опровержения, поскольку они важны для определения проблемы ответственности в общественном сознании.

Обе брошюры Бедье были выпущены комитетом *Études et Documents sur la Guerre*, деятельность которой сводилась во время Великой войны к публикации пропагандистских материалов. В ее состав входил так называемый интеллектуальный истеблишмент Третьей республики: Эрнест Лависс, Шарль Андле, Анри Бергсон, Эмиль Дюркгейм и др., можно подчеркнуть, что вся деятельность на «интеллектуальном фронте» осуществлялась этим комитетом. Сохраняя хронологию событий, мы сначала рассмотрим первую брошюру профессора, вторую же стоит брать во внимание после анализа германских статей, так как она является рекурсией, своеобразным ответом на ответ. Обе брошюры были переведены на английский язык, были опубликованы в Великобритании и США, что является довольно распространенной практикой для французских пропагандистских материалов¹⁹.

Обращаясь к «*Les crimes allemands d'après des témoignages*», мы должны понимать, что основным посылом Бедье было разоблачением зверств, которые совершали германские войска в Бельгии и Франции, для подтверждения этих фактов он обращался к трофейным *Kriegstagebücher* – полевым дневникам солдат²⁰. Что касается их массовости, то, по словам автора, им было изучено 40 экземпляров, однако, цитирует в своей работе всего 15²¹. Как мы упоминали выше, большинство интеллектуалов во время войны ушли от независимого творчества к дискурсу, в этом зачастую обвинялся Бедье, который в самом начале своей работы написал: «Я намерен доказать, что немецкие армии не смогут избежать упрека в том, что иногда

¹⁶Kuttner M. Deutscher Verbrechen? Wider Joseph Bédier, *Les crimes allemands d'après des témoignages allemands*. Leipzig. 1915. 50 s.

¹⁷Larsen K. Professor Bédier und die Tagebücher deutscher Soldaten. Berlin, 1915. 48 s.

¹⁸Molenbroek P. Bédier – Kuttner – Larsen : De duitsche Wandaden. S. I, 1915. 11 p.

¹⁹Bédier J. *The Huns Diary: German Proofs of German Crimes*. Translated by Percy Bullen. New York, 1915. 34 p.

²⁰Bédier J. *Les crimes d'après des témoignages allemands*. P. 5.

²¹Ibid. P. 6.

нарушают закон наций, и я хочу доказать свою правоту, в соответствии с французским обычаем, из абсолютно достоверных источников»²². В данном случае, мы должны рассматривать эту и последующие работы именно в контексте дискурса-анализа, поскольку обе стороны конфликта отражают интересы собственных государств.

Для аргументации своей позиции и разоблачения германских зверств Бедье не просто пересказывает записи в дневниках, он знакомит читателя с исторической подоплекой. Так, во второй части своей брошюры автор упоминает, что Германия, как и Франция, Россия и Англия, подписала Конвенцию 1907 г., в которой запрещалось применять насилие по отношению к мирному населению, а далее приводит факты, где офицеры и солдаты признавались в убийстве гражданских, у которых не было никаких признаков открытого ношения оружия, что могло бы котироваться как борьба с вооруженными силами²³. Упоминание Конвенции 1907 г., точнее участие в ней Германской империи было одним из самых упоминаемых штампов французской пропагандистской деятельности. Еще одним «оружием» Бедье является противопоставление культур германской и французской, например, в 3 части при упоминании вырезки про убитых и повешенных женщинах на деревьях в Лангевилле: «Кто эти три женщины? Безусловно, преступницы, виновные в обстреле немецких войск, если только они не вели телефонную переписку с врагом; и 11-й инженерский батальон, несомненно, справедливо наказал их. Но теперь они искупили свое преступление, а этот полк ушел, и об их преступлении вновь наступающие войска ничего не знают. Найдется ли среди этих новых войск командир-христианин, который прикажет перерезать веревки и освободить этих мертвых женщин? Нет, полк пройдет под виселицами, и флаги пронесутся мимо этих трупов; пройдут полковники и офицеры, господа и культуртрегеры»²⁴. Здесь автор иронизирует над германским нарративом о сопротивляющихся женщинах и детей, которые якобы стреляют в спину солдатам кайзера, так и говорит о культуртрегерах – носители германской культуры, германская интеллигенция. В свою очередь, это можно трактовать, как и ответ подписантам «Манифеста 93-х».

Статья Куттнера «*Deutsche Verbrechen?*» является первой и самой известной полемической работой в данном контексте, она была выпущена в

²²Bédier J. Les crimes d'après des témoignages allemands. P. 5.

²³Ibid. P. 7.

²⁴Ibid. P. 16.

том же году, спустя два месяца после публикации брошюры Бедье. Безусловно, чтобы ответить на обвинения в военных преступлениях, автор стоял перед выбором: заявить, что все приведенные французским профессором доказательства являются ложью, либо предать сомнению, что перевод с немецкого на французский является неточным. Так, Куттнер под сомнение два фрагмента на предмет их достоверности, в частности, комментируя один такой фрагмент доктор заявил, что даже предположение мысли о том, что германские солдаты воруют швейные машинки и вино, является оскорбительным не только для немцев, но и для французов, читающих подобные памфлеты²⁵. Второй вариант аргументации Куттнером также был задействован в довольно избирательных случаях, если Бедье приводит около 1500 слов из дневников германских солдат, то немец акцентирует внимание всего на 50 из них. Критикой неверного перевода стала, например, следующая фраза: «У одного из них был выколот глаз»²⁶. По мнению Куттнера, Бедье неверно переводит немецкий глагол «verloren» как «сrevé», хотя должен был использовать «perdu», то есть «потерянный». Однако, здесь немецкий автор умышленно опускает контекст, о котором писал французский коллега: «Женщина с двумя детьми; у одного из них выколот был глаз». Также Куттнер упоминал, что перевод немецкого «auch» как «с'est qu'on» в трактовке Бедье может использоваться для какого-либо злого умысла²⁷.

Если данная аргументация казалась недостаточной, то тогда Куттнер переходил к имагологии, сравнивая германское и французское, периодически делая выдержки из работы Бедье и из французских полевых дневников. Так, он приводит цитату пуалю, в которой говорится о том, что французская армия может беспрерывно штурмовать позиции германской армии, из-за чего им не хватает времени похоронить павших солдат, по телам которых зачастую они и шли в атаку. Этот момент не был оставлен Куттнером, который провел параллель с германской армией, офицеры которой «постоянно предлагают командирам провести перерыв, чтобы забрать раненных и похоронить погибших»²⁸, что могло свидетельствовать о сравнении «цивилизованных французов и германцев-варваров». Также он упоминает фразу Бедье: «Да, это война, но такая, какой ее никогда не вели

²⁵ Kuttner M. Deutscher Verbrechen? S. 12.

²⁶ Ibid. S. 18.

²⁷ Ibid. S. 16.

²⁸ Ibid. S. 36.

солдаты Марсо и никогда не будут вести солдаты Жофра, такая, какой никогда не была и не будет Франция, мать искусств, оружия и законов»²⁹, – формулировка «солдаты Марсо» была использована Куттнером для описания выдержки, когда пуалю писал, как его траншея после десятиминутного артобстрела сдалась германцам, с иронией заключавшего, как бы он запечатлел эту ситуацию, окажись он художником³⁰. Общий нарратив этой статьи также был сопровожден критикой бельгийцев, которые, как утверждал автор, несли большую опасность для германских солдат, поэтому насилие по отношению к ним вполне легальным. Заключая, Куттнер писал: «Я обвиняю вас, господин Бедье, в намеренной фальсификации и клевете»³¹. В свою очередь, это своеобразный рефрен на начальные строки брошюры француза.

Подобная методология критики была не исключением в контексте «войны духа». Вторым не менее важным актом защиты германского народа, армии и культуры является статья профессора Карла Ларсена из Копенгагенского университета. Здесь автор также критикует Бедье за его неточный и неверный перевод, а также за лишние домыслы в столь простых текстах, что «для исследователя рукописей, обладающего мудростью» могло считаться предвзятостью³². Интересна эта работа для нас по той причине, что все аргументы и примеры идентичны с полемикой Куттнера, однако, здесь автор отсылается, в первую очередь, к дискуссиям внутри Дании касательно германских зверств, о чем с восклицанием пишет переводчик в введении к немецкому варианту³³. Если Куттнер с некой осторожностью перечисляет ошибки француза, поскольку они оба являлись коллегами по Фрибургскому университету, то Ларсен прямо писал: «Образ действий Бедье, по большому счету, ненаучен»³⁴.

Другим примером прогерманских настроений в дискуссии между интеллектуалами мы можем отметить статью П. Моленбурука, которая, по большей части, является повествовательной и ориентированной на нидерландского читателя, чтобы его познакомить с проблемой германских зверств, об этом сам он пишет следующее: «мы кратко сопоставим основные аргументы обеих сторон, чтобы беспристрастный читатель сам составить

²⁹*Bédier J.* Les crimes d'après des témoignages allemands. P. 38.

³⁰*Kuttner M.* Deutscher Verbrechen? S. 36,

³¹*Ibid.* S. 48.

³²*Larsen K.* Professor Bédier und die Tagebücher deutscher Soldaten. Berlin, 1915. 48 s.

³³*Ibid.* S. 3–4.

³⁴*Ibid.* S. 48.

мнение об «откровениях» Бедье»³⁵. Объектом его критики стали, как и умышленно урезанные выдержки Ларсена, искусности контраргументов Куттнера и, как правило, неточности перевода Бедье. Однако, уже в своем заключении Моленбрук формально отказывался от непредвзятости и перешел к обвинению французов: «В отношении зверств французы имеют право обвинять в этом немцев, или обвинять свое военное руководство, которое допустило подобную ситуацию, когда на территории Бельгии мирному населению пришлось жить в результате злодеяний германцев и французов, потому что ранее даже не знала подобного противостояния»³⁶. Упомянутые статьи лишь свидетельствует о неоднозначной позиции по отношению к военным преступлениям среди интеллектуалов в странах, где играет большое влияние германской культуры, а также схожести нарративов в качестве аргументов.

После упомянутых обвинений в собственной некомпетентности и предвзятости Бедье выпустил вторую брошюру – «Comment l'Allemagne essayé de justifier ses crimes», в которой ответил на всю критику: неправильность перевода, предвзятости, недостоверности документов. В первую очередь, он подметил, что при издании брошюры французский перевод сопровождался с немецким оригиналом³⁷. По большей части, французский профессор отвечал претензиям именно Куттнеру и Ларсену, что следует из того, что комментирует он выдержки из «Северогерманского вестника» и «одной датской газеты»³⁸, в которых и были опубликованы упомянутые выше статьи, при этом не упоминая фамилий авторов. Формально в данной брошюре Бедье признается лишь в одной ошибке перевода³⁹, но остальные контраргументы им полностью отвергаются, а сама позиция обвинения транслируется новыми свидетельствами из дневников германских солдат.

Подходя к выводу, стоит отметить, что приведенные примеры являются лишь малой частью в широком пласте работ, оставленными интеллектуалами в ходе «войны духа». На их примере мы можем отметить, какие аспекты составляли ключевую роль для создания образа врага в контексте военных преступлений. В период Великой войны интеллектуалы

³⁵*Molenbroek P. Bédier – Kuttner – Larsen : De duitsche Wandaden. P. 1–2.*

³⁶*Molenbroek P. Bédier – Kuttner – Larsen : De duitsche Wandaden. P. 11.*

³⁷*Bédier J. Comment l'Allemagne essaye de justifier ses crimes. P. 6.*

³⁸*Ibid. P. 34.*

³⁹*Ibid. P. 48.*

фактически находились на госслужбе, их работой было создание определенного дискурса, необходимый воюющим странам для поддержания собственных настроений среди населения. По этой причине зверства германцев не остались в стороне интеллектуального фронта, наоборот, стали катализатором для его появления. В этом смысле играет большую роль не только дискурс, а противопоставление «своего» и «чужого», что также сказалось на упомянутых выше статьях и брошюрах.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Gurny M. Velikaya voyna professorov. Gumanitarnye nauki. 1912–1923. [The Great War of the Professors. Humanitarian sciences 1912–1923]. Sankt-Petersburg: European University publ., 2019. 414 p.

Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. Издательство Европейского университета. Санкт-Петербург, 2019. 414 с.

Bédier J. Comment l'Allemagne essaye de justifier ses crimes. Paris, 1915. 49 p.

Bédier J. Les crimes d'après des témoignages allemands. Paris, 1915. 48 p.

Bédier J. The Huns Diary: German Proofs of German Crimes. Translated by Percy Bullen. New York, 1915. 34 p.

Chagnon M-E. Le manifeste des 93: la nature de la mobilisation intellectuelle allemande au déclenchement de la Grande Guerre (1914-1915). Université du Québec à Montréal, 2007. 182p.

Démartial G. La guerre de 1914. Comment on mobilisa les consciences. – Paris : Éditions des Cahiers internationaux, 1922. 325 p.

Der Aufruf der 93, an die Kulturwelt! (4. Oktober 1914). URL: https://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/deu/817_Bernhard_vom_Brocke_156.pdf (дата обращения 25 декабря 2023)

Erklärung der Hochschullehrer des Deutschen Reiches [Berlin, den 16. Oktober 1914]. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:bvb:210-16-007530116-3> (дата обращения: 20.12.2023).

Hanna M. The Mobilization of Intellect. French Scholars and Writers during the Great War. Harvard University Press, 1996. 286 p.

Horne J., Kramer A. German atrocities, 1914: a history of denial. Yale University Press, 2002. 624 p.

Horne J. German «Atrocities» and Franco-German Opinion, 1914: The Evidence of German Soldiers Diaries. The Journal of Modern History. 1994. Vol. 66. No. 1. PP. 1–33.

Kuttner M. Deutscher Verbrechen? Wider Joseph Bédier, Les crimes allemands d'après des témoignages allemands. Leipzig. 1915. 50 s.

Larsen K. Professor Bédier und die Tagebücher deutscher Soldaten. Berlin, 1915. 48 s.

- Lasswell H.* Propaganda Technique in the World War. Mansfield Centre, 2013. 244 p.
- Molenbroek P.* Bédier – Kuttner – Larsen : De duitsche Wandaden. S. I, 1915. 11 p.
- Ponsoby A.* Falsehood in War-Time. London, 1929. 195 p.
- Prochasson C.* Los intelectuales franceses y la Gran Guerra. Las nuevas formas del compomiso. Asociacion de Historia Contemporanea. 2013. No. 91. PP. 33–62.
- Rasmussen A.* La « science française » dans la guerre des mafistes, 1914-1918. Mots. Les langages du politique, 2004. 9–23.